

Азикова Ю. М. Идеологическое обоснование властных отношений в традиционном кабардинском обществе (XVI—XVIII вв.) / Ю. М. Азикова // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 118—130.

Azikova, Yu. M. (2017). Ideological Justification of Power Relations in Traditional Kabardian Society (16th—18th Centuries). *Nauchnyy dialog, 1*: 118-130. (In Russ.).

УДК 94(470.64)

Идеологическое обоснование властных отношений в традиционном кабардинском обществе (XVI—XVIII вв.)

© Азикова Юзанна Мартиновна (2017), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), azik-uu.84@mail.ru

ResearcherID: H-8962-2016

Рассматривается проблема идеологической легитимации княжеской власти и властных отношений в традиционном кабардинском обществе. Идеологическая составляющая трактуется в качестве необходимого условия политогенеза и последующего функционирования системы власти в исторической Кабарде XVI—XVIII веков. Важность обращения к данной проблематике связана со значительным потенциалом антропологически ориентированного изучения истории властного компонента. Формирование новых подходов к исследованию глубинных политических процессов и презентации истории власти актуализировало разработку вопросов об особенностях и условиях политогенеза в традиционном кабардинском обществе. Исследование идеологического обоснования властных отношений является прологом к углубленному, всеохватному исследованию политической культуры исторической Кабарды. В работе поднимется вопрос об обусловленности отношений господства и подчинения и принципа взаимности между управителями и управляемыми соответствующей культурно-идеологической матрицей, определявшей в свою очередь особые очертания системы власти традиционного кабардинского общества и базовые принципы организации власти, актуальные для данной системы. Анализируются составляющие легитимации власти и упорядочения властных отношений. В качестве культурно-идеологической системы обоснования властных отношений рассматривается совокупность легенд, генеалогических преданий, представлений о распределении общественных функций, этикетных, морально-правовых и воспитательных установок и, с определенного времени, религиозных аспектов.

Ключевые слова: идеология; легитимность; принцип взаимности; власть; легенда, генеалогия, кабардинский князь; недостижимость; неприкосновенность.

1. Методология исследования идеологии власти

Исследование всей совокупности социально-экономических, политических, культурно-идеологических аспектов исторического развития Кабарды и кабардинцев под углом зрения условий и факторов политогенеза предполагает учет их своеобразия и их соотнесение с определенными обобщенными критериями. В качестве таковых могут выступить формулировки «необходимых условий» возникновения ранних государств [Бондаренко и др., 2002; Классен, 2006; Кочакова, 1996; Claessen, 1979; Claessen, 2008; Kurtz, 1979; Tiffany, 1979], суммированные в работах Х. Дж. М. Классена.

В качестве условий возникновения раннего государства, по Х. Классену, обозначаются наличие сложного стратифицированного общества, которое, в свою очередь, требует достаточной численности населения; наличие отдельной территории, контролируемой обществом; функционирование «системы производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения»; наличие идеологии, обосновывающей отношения господства и подчинения в обществе и принцип взаимности [Классен, 2006, с. 76—78]. По мнению Х. Классена, обнаружение перечисленных условий (социальная стратификация, отдельная территория, контролируемая обществом, наличие прибавочного продукта и возможность его изъятия; идеология) не предопределяет «запуск» процесса политогенеза. Исследователь отмечает, что приведенным условиям должен сопутствовать повод, который спровоцировал бы трансформации. Попытка «взвесить» значимость тех или иных «пусковых условий» политогенеза применительно к кабардинскому материалу с неизбежностью выдвигает на первый план фактор внешней угрозы.

В ряду предпосылок политогенеза традиционного кабардинского общества первоочередной исследовательский интерес вызывает проблематика идеологического обоснования властных отношений, одного из необходимых условий функционирования сформировавшейся системы власти. В традиционной политической культуре кабардинского общества XVI—XVIII веков прослеживается существование идеологии, обосновавшей отношения господства и подчинения и принцип взаимности между управителями и управляемыми.

Х. Классен отмечает непреложную необходимость существования «идеологии для объяснения и оправдания существования иерархической административной организации и социально-политического неравенства».

В противном случае, когда «менее удачливые» не имеют возможности «понять и принять свое скромное положение», перспективы политогенеза затруднительны. Ссылаясь на Макса Вебера, Х. Классен обращает внимание на то, что «легитимность лидера в первую очередь базируется на вере его людей». В качестве ценных дополнений к взглядам М. Вебера исследователь приводит и соображения Д. Битэма о легитимации власти вследствие разделения «норм и ценностей правителями и подданными» и установления в обществе «норм законного обоснования получения и использования власти» [Классен, 2006, с. 78].

В идеологической легитимности Х. Классен усматривает и значительный «материалистический компонент», то есть реципрокацию. Речь идет о взаимозависимости: «у народа есть обязанности по отношению к правителю, но и правитель также имеет обязательства перед своим народом» [Классен, 2006, с. 79].

Таким образом, под идеологией Х. Классен подразумевает не только и не столько религию. Идеология может включать в себя право, законность, традиции, обычаи, легенды, главенствующие принципы существования рода и семьи и т. д. Во многих случаях идеологическая структура раннего государства тесно связана с идеологией догосударственного периода [Claessen, 1981].

2. Морально-правовая и этикетная основа оправдания общественно-политического устройства

Какие идеологические составляющие адыгской культуры можно выделить в качестве предпосылок политогенеза и обоснования отношений господства-подчинения в традиционном кабардинском обществе? В первую очередь это адыгская этика (*адыгагъэ* — букв. «адыгство») и адыгский этикет (*адыгэ щэнхэбзэ*). Следует особо выделить «адыгэ хэбзэ — морально-правовой кодекс, то есть общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления». В соответствии с подходом исследователя Б. Х. Бгажикова, идеологической основой синтеза обычного права и адыгского этикета является «традиционная этика — адыгагъэ». Подобный формат взаимодействия способствует сообщению адыгством нормам адыгэ хэбзэ характера «целерациональных программ и моделей социального действия» [Бгажиков, 1999, с. 6].

Как особую составляющую норм обычного права адыгов (*адыгэ хэбзэ*) выделяют такие институты, как рыцарская этика (или рыцарский моральный кодекс) — *уэркъыгъэ* и рыцарско-дворянский эти-

кет — *узркъ хабзэ* [Бгажноков, 1999]. Как известно, пши (князя) не были уорками (дворянами) в собственном, сословном смысле этого слова и тем самым оставались вне оппозиции «рыцарь — крестьянин» (точнее — над ней). Тем не менее именно пши считались и на самом деле были элитой адыгского рыцарства и самыми ревностными хранителями и носителями рыцарской этики. Аристократия, «благородные» во главе с князьями монополизировали управленческие функции в стране. Этикетная традиция и идеология, культивировавшие оппозицию «благородный / неблагородный», абсолютно исключали из сферы реального управления и властвования различные категории крестьянства. Благородные управляют, воюют, защищают, а неблагородные производят все необходимые материальные блага, прислуживают и подчиняются.

Культура воспитания адыгов базировалась на прививании уважительного отношения к старшим. Когда говорится о старших и разработанном до мелочей этикете общения с ними, подразумевается не только возраст, но и ранг. Учет старшинства присутствовал не только в семейной жизни, но и в общественной, и в политической жизни кабардинцев [Мамбетов, 1999]. «Князья потому и князья, что не похожи на других простых людей и что „самый малютка княжеский похож на взрослого“» [Фольклор адыгов..., 1979, с. 150], говорится в известном памятнике адыгского фольклора. Источники свидетельствуют и о первостепенной роли старшинства в порядке наследования княжеской власти, а также о наличии в Кабарде различных категорий пши (старший князь фамилии, его братья, его сыновья и племянники, внуки, внучатые племянники — все обладали статусом пши).

К идеологическим механизмам легитимации княжеской власти относятся всевозможные легенды, обосновывающие законность власти пши как правителей народа. В Кабарде были разные по своему статусу пши (старший пши в рамках всей Кабарды; удельные пши, их сыновья, братья, племянники; пши деревни — *кьуажэпш*). Все кабардинские пши считались потомками одного правителя — Инала, то есть все пши в Кабарде были «братьями», управлявшими страной совместно.

3. Генеалогический аспект легитимации власти и фактор родства

В соответствии с легендой, являвшейся идеологическим обоснованием властного статуса князей и фактором их уравнивания в рамках княжеской корпорации, в Кабарде все владельческие династии возводили свое происхождение к инородным предкам, и княжеская «каста», таким образом, представлялась единым кланом, в рамках которого выделялись ответвления-династии. Общим предком этого клана являлся Инал. Применительно

к XVI—XVIII векам анализ родословных кабардинских князей демонстрирует их фактическое кровное родство [Налоева, 2015, с. 150—162]. «Генеалогический аспект стал одной из основ государственного устройства княжеской державы» [Сивер, 2007, с. 46]. В традиционной Кабарде, подобно Франкскому государству и Киевской Руси, наблюдалось «непременное соучастие всех наличных братьев в управлении» страной (*corpus fratrum*). Согласно преданиям, все русские князья происходили от одного родоначальника — Рюрика, и, кроме Великого князя, все остальные потомки также носили титул «князь» и принимали участие в управлении страной. В «Истории Франков» Григорий Турский цитирует свидетельства некоего Сульпиция Александра (V в.), в соответствии с которыми у франков были «вожди», «царственные особы», «короли», «царьки» [Турский, 1987, с. 36—39]. Данный феномен может быть связан с изначальным представлением о сакральной природе власти, рассматривавшейся как собственность правящего рода, на которую распространялось общее наследственное право [Назаренко, 1986, с. 150—151]. Таким образом, очевидна первичная идеологическая и ценностная значимость для представителей княжеских фамилий факта их родства и степени старшинства в деле осуществления ими властных функций в стране и упорядочения их взаимоотношений.

Важно отметить, что в источниках есть множества свидетельств существования и действия родственных связей и в плоскости отношений субъект / объект власти. Но эти искусственные связи родства (например, аталычество) устанавливались в глубоко стратифицированном обществе, проникнутом идеологией и практикой иерархических властных связей и отношений. С одной стороны, родственные связи (изначально не существующие) устанавливались между субъектами и объектами власти, с другой — подобное родство ни при каких обстоятельствах не должно было (легитимно) становиться реальным, то есть оно всегда искусственное. При отсутствии (невозможности) кровного родства в вертикальной плоскости его имитировали. Родство в данном случае было подчинено логике власти. Как родство не упоминалось и не устанавливается ради исключительно родства, так и союзы (симметричные либо асимметричные) надежнее было укреплять родством.

4. Неприкосновенность кабардинского князя

В источниках, описывающих статус кабардинского пши, представлены данные об инородном (аравийское происхождение, египетская генеалогия и т. д.) или божественном происхождении властного статуса пши. Более того, отмечается священный характер личности пши, неприкосновенность

его персоны, необходимость пожертвовать ради него всем, если потребуется, и жизнью [Ногмов, 1994, с. 74]. Сакрализация личности кабардинских князей начинается с Инала, который был поименован святым, и впоследствии вошла в употребление поговорка: «Дай, боже, Иналов день!». Даже могила Инала считалась священной, и было преступлением убивать зверя в ее окрестностях [Ногмов, 1994, с. 95—96]. Хан-Гирей также отмечал, что родоначальника адыгских князей Инала «современники почитали <...> человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгое время с благоговением призывало на помощь «Бога счастья Инала» в твердой уверенности, что счастье и святость великого предка могут благоприятствовать предприятиям потомков» [Хан-Гирей, 1978, с. 153].

Положение кабардинского князя «до того было высокопоставленное, что всякое малейшее оскорбление его личности неминуемо влекло за собою тяжелое возмездие». О его убийстве не могло быть и речи. «Плата за кровь убитого пши не могла быть исчислена. По выражению горцев, кровь убитого пши наполняет собой всю глубину ущелья, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона» [О правах..., 2003, с. 81]. В источнике под названием «Об адате и о нравах и обычаях племен, обитающих на северной покатости Кавказского хребта» отмечается, что за убийство князя не положено штрафа, так как такого рода примера не случилось (пролитая кровь князя считалась бесценной). Для других категорий населения существовали установленные суммы штрафа. В «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области», составленной Д. С. Кодзоковым в 1873 году, приводится интересная информация: «За убийство князя в древнем народном обычае не полагалось даже и меры наказания, ибо положение князя, в народном понятии, было так высоко поставлено, что не могло быть мысли о совершении этого преступления, а следовательно, не существовало и меры наказания. С начала нынешнего столетия [XIX в.] были 2—3 случая убийства князей, виновные и их семейства были или истреблены, или изгнаны, не вследствие указания народного обычая, но через личную месть родственников убитого. Не более 10 лет тому назад холоп на скачке оскорбил молодого князя Мисостова, Мисостов выстрелил в холопа, а холоп в свою очередь убил князя. Вгорячах народ самовольно растерзал холопа, сжег его дом и передал его семейство наследникам убитого князя. Дело доходило до народного суда, который отказался сделать приговор, ссылаясь на несуществование на подобные случаи узаконения в народном обычае (Адиге-Хабза). Администрация почла за лучшее оставить это дело без последствий» [ЦГА КБР, ф. Р-1209, оп. 11, д. 25, л. 18.].

В другом документе, подписанном Д. Кодзоковым, зафиксировано следующее: «В случае убийства князя беслан-воркам [дворянин второй степени] или воркшаотлухусом [дворянин третьей степени] убийца и ближайшие взрослые его родственники мужского пола, по кабардинскому обычаю, лишались жизни, а остальное семейство отдавалось в рабство наследникам убитого князя; дом же и имущество убийцы подвергалось разграблению.

В случае же убийства князя тлакотлешем [наряду с деженуго составляли первую степень дворянства] или деженуго сии последние присуждались к уплате за кровь, конечно, весьма значительной суммы. Впрочем, сколько известно, подобного рода убийств в Кабарде еще не было» [Записка..., 1997, с. 207—208].

Приведенные свидетельства об убийстве князя или о возможности такого убийства людьми ниже пши по статусу относятся к достаточно позднему времени, к эпохе ломки традиционного общественно-политического уклада Кабарды (XIX в.). Но даже в поздних свидетельствах такого рода информация преподносится как нонсенс, как вопрос, на который нет ответа за неимением прецедента.

Тем не менее убийства князей происходили в предыдущие века, но их коренное отличие заключается в том, что руку на их жизнь имели право поднимать тоже князья. Сакрализация личности кабардинских правителей не означала их абсолютную неприкосновенность. Принципиальными вопросами являлись вопросы — «кто убивает?» и «по какой причине?». Ответ на первый вопрос известен и понятен — князья убивали князей (имели право это делать, хотя это не избавляло от мести родственников убитого). Но каковы те крайне важные мотивы, которые санкционировали насильственную смерть сакрализированных правителей? Разве не нарушалась гармония жизни общества при пролитии священной крови правителя? Если обратиться к рассмотрению такого рода случаев на примере истории других народов мира, то можно увидеть, что насильственная смерть правителя не табуирована в определенных случаях, когда это единственный способ нормализации ситуации. Так, если правитель переставал справляться со своими обязанностями, его изгоняли или предавали смерти, и это была вполне легитимная практика [Крадин, 2002, с. 57—58].

Как можно было оправдать убийство кабардинского князя? В работе Ш. Ногмова «История адыгейского народа» иллюстрируется множество случаев междоусобиц в Кабарде, которые протекали достаточно кровопролитно. Автор писал, что «...возобновились ссоры и смуты между князьями

Большой Кабарды. Наконец потомки Тохтамыша начали *поступать гордо с народом, грабить и притеснять соседей* и обнаружили *злонамеренность и корыстолюбие* в отношении к прочим князьям (курсив наш. — Ю. А.)» [Ногмов, 1994, с. 113].

Дурное поведение их возбудило двоюродных братьев [тоже князей] составить заговор для истребления этого *беспокойного и хищного дома*; но князь Кайтуко Тохтамышев, сведав как-то о тайном умысле братьев, немедленно бежал к реке Малке, где и скрылся в прибрежном лесе. Братья же пали жертвами заговора». Со временем князь Кайтуко снова пригласили править народом, но с условием, что он будет по отношению к нему «обходительным, благосклонным, учтивым и никого не обижать».

Ш. Ногмов описал и время правления верховного князя Хатожуко, первым распоряжением которого было «истребление *злонамеренных и корыстолюбивых* (курсив наш. — Ю. А.) князей, особенно поколения Женцоха, Берслана и других. Собрав несколько сотен всадников, он начал убивать непокорных. Прежде других были убиты два брата — Батырша и Батарбий; потом удушены другие два брата, Жанборимас и Жанборисхан, скрывавшиеся с аталыком, своим воспитателем, в пещерах и в ущельях. Все эти князья были племянниками князя Шужия, который сам остался в живых, вероятно, по уважению к его преклонной старости, а по словам других, потому, что был, несмотря на лета, сильнеешим из всех князей» [Ногмов, 1994, с. 113—114, 134].

Таким образом, недопустимость поведения того или иного князя в соответствии с предписаниями рыцарской этики и нарушение им установленных норм обычного права являлись критериями виновности, санкционировавшими его смерть или изгнание. В приведенных отрывках фигурируют такие «смертные» прегрешения истинных рыцарей, как корыстолюбие, хищничество, злонамеренность, гордость по отношению к своему народу, грабеж и притеснение соседей (дружественных по отношению к одной из борющихся сторон). Все обозначенные проступки были простительны, если речь шла об их направленности на врага, но они были направлены на «своих», что было недопустимо. В ходе феодальных междоусобиц такие обвинения не всегда могли иметь под собой реальное основание. И прерогативой победившей стороны являлось построение официальной легенды о «злонамеренности» и «корыстолюбии» поверженной стороны. Данные формулировки скрывали лишь позицию, отличную от соображений победителя и необязательно вредоносную. Итоговое заключение о преступном либо недостойном поведении того или иного кабардинского князя, позволяющее нарушить норму о неприкосновенности его персоны, определя-

лось соотношением политических сил в отдельный исторический отрезок времени. Убийство кабардинского князя человеком ниже по статусу никогда не находило оправдания, поскольку существовал безоговорочный и абсолютный запрет на подобное деяние. С другой стороны, убийство, осуществленное с поддержкой и руками княжеской корпорации, могло найти обоснование, так как междоусобицы в защиту законных прав и интересов, даже с многочисленными смертельными исходами, всегда могли встретить если не одобрение, то понимание.

5. Религия и власть

Религиозный характер обоснования княжеской власти также присутствовал независимо от того, кем были в то или иное время адыги — язычниками или приверженцами монотеизма (христианства и ислама). Разные верования обосновывали и оправдывали существующее положение вещей и, соответственно, право кабардинских князей на политическую власть. Так, утверждение ислама среди кабардинцев способствовало дополнению аравийской генеалогии княжеского рода информацией о принадлежности Инала к арабскому племени курейшитов, которому принадлежал и пророк Мухаммед. В целом же воздействие различных религиозных верований, доминировавших среди адыгов в разное время, на процесс политогенеза носило не столько сущностный, сколько «формальный» характер. И религиозно-идеологический фактор активизировался в условиях, когда надо было интегрировать и мобилизовать общество для противостояния мощным вызовам извне. Поэтому для Кабарды вполне логичным выглядит рассуждение, в соответствии с которым «религиозная сторона могла и вовсе не требоваться для политогенеза, например, когда он шел в основном военно-политическим путем» [Гринин, 2007, с. 149].

6. Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить достаточно определенное соответствие практики политического процесса традиционного кабардинского общества обобщенным критериям политогенеза и функционирования систем власти, выработанным современными политантропологами, в том числе и в части определяющей значимости идеологической легитимации властных отношений. В кабардинском обществе действовала идеология, обосновавшая отношения господства и подчинения и принцип взаимности между управителями и управляемыми. Данная идеологическая система не была четко структурирована, и ее составляющие необходимо

искать в политической культуре (как в аспекте культуры в целом, организующем начале в обществе) — в совокупности представлений о политической сфере, сознания, ментальностей, политического поведения и политических институтов.

Основу любого социального (и политического) действия в традиционном кабардинском обществе составляли регуляционные возможности и ресурс упорядочения норм адыгэ хабзэ, сохранявшие существующий порядок вещей, который, в свою очередь, устанавливался под влиянием действия требований общественной справедливости и права сильного.

Существенное влияние на формат реализации властных отношений в традиционном кабардинском обществе оказывали фактор происхождения, идеология родства и принцип старшинства.

К идеологическим механизмам легитимации княжеской власти относятся и всевозможные легенды, обосновывающие законность власти кабардинских пши как правителей народа, священный характер личности пши. В источниках, описывающих статус кабардинского пши, представлены данные об инородном или божественном происхождении властного статуса пши. Несомненна первичная идеологическая и ценностная значимость для представителей княжеских фамилий генеалогических преданий, факта их родства и степени старшинства в деле осуществления ими властных функций в стране и упорядочения их взаимоотношений.

Источники и принятые сокращения

1. *Записка* о привилегированных сословиях кабардинского округа // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV—XIX вв. / Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед.; сост. Х. М. Думанов, Ф. Х. Думанова. — Майкоп : Меоты, 1997. — С. 206—218.
2. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа / Ш. Ногмов. — Нальчик : Эльбрус, 1994. — 232 с.
3. *О правах* высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793—1897. В 2 т. Т. 1. / Х. М. Думанов, А. И. Мусукаев. — Нальчик : Эль-Фа, 2003. — С. 73—249.
4. *Фольклор адыгов* в записях и публикациях XIX — начала XX века : в 2-х. кн. Кн. 1 / сост. и. авт. вступ. статьи А. И. Алиева; коммент. А. И. Алиевой, А. М. Гутнова. — Нальчик : Эльбрус, 1979. — 404 с.
5. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / вступ. статья и подгот. текста В. К. Гарданова, Г. Х. Мамбетова. — Нальчик : Эльбрус, 1978. — 333 с.
6. *ЦГА КБР* — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. Р-1209. Оп. 11. Д. 25. Л. 18.

Литература

1. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Эль-Фа, 1999. — 96 с.
2. Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. Введение // Цивилизационные модели политогенеза. Серия «Цивилизационное измерение». Т. 1. / ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. — Москва : Институт Африки РАН, 2002. — С. 5—36.
3. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс : эпоха формирования государства : общий контекст социальной эволюции при образовании государства / Л. Е. Гринин. — Москва : КомКнига, 2007. — 272 с.
4. Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? / Х. Дж. М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина и др. — Волгоград : Учитель, 2006. — С. 71—84.
5. Кочакова Н. Б. Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» / Н. Б. Кочакова // Восток. — 1996. — № 4. — С. 191—199.
6. Крадин Н. Н. Власть в традиционном обществе / Н. Н. Крадин // Социологический журнал. — 2002. — № 4. — С. 46—59. Режим доступа : <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/765/submission/original/765-1392-1-SM.pdf>.
7. Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев : учеб. пособие для учителей и учащихся сред. школ, ПТУ и техникумов / Г. Х. Мамбетов. — Нальчик : Эль-Фа, 1999. — 348 с.
8. Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. — Москва : Наука, 1986. — С. 149—157.
9. Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века : генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Е. Д. Налоева. — Нальчик : Печатный двор, 2015. — 368 с.
10. Сивер А. В. Державы князей : опыт сравнения княжеской Кабарды и Древней Руси / А. В. Сивер // Исторический Вестник. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — Вып. VI. — С. 39—76.
11. Турский Г. История франков / Г. Турский. — Москва : Наука, 1987. — 461 с.
12. Claessen H. J. M. Before the Early State and After: An Introduction / H. J. M. Claessen // Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue / ed. by H. J. M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde. — 2008. — Vol. 7. — № 1. — P. 4—18.
13. Claessen H. J. M. Introduction / H. J. M. Claessen // Political anthropology. The state of the art. — The Hague : Mouton, 1979. — P. 1—28.
14. Claessen H. J. M., Skalnik P. The study of the State conference in retrospect / H. J. M. Claessen, P. Skalnik // The study of the state / ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. — The Hague : Mouton, 1981. — P. 469—505.
15. Kurtz D. V. Political Anthropology : Issues and trends on the frontier / D. V. Kurtz // Political anthropology. The state of the art. — The Hague, 1979. — P. 31—62.

16. *Tiffany W. W.* New directions in Political Anthropology : The use of corporate models for the analysis of political organizations // Political anthropology. The state of the art. — The Hague : Mouton, 1979. — P. 64—75.

Ideological Justification of Power Relations in Traditional Kabardian Society (16th—18th Centuries)

© **Azikova Yuzanna Martinovna (2017)**, PhD in History, associate professor, Department of General History, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov (Nalchik, Russia), azik-uu.84@mail.ru.

The problem of ideological legitimacy of princely power and the power relations in traditional Kabardian society is considered. The ideological component is interpreted as a necessary conditions of the politogenesis and the subsequent functioning of the system of power in historical Kabarda of 16th—18th centuries. The importance of addressing this issue is connected with significant potential of anthropologically oriented study of the history of the power component. The formation of new approaches to the study of the underlying political processes and the presentation of the history of power actualized the development of questions about the features and conditions of politogenesis in traditional Kabardian society. A study of the ideological justification of power relations is a prologue to in-depth, comprehensive study of the political culture of historical Kabarda. The paper raises the question about the causality of relations of domination and subordination and the principle of reciprocity between the rulers and their subjects of the corresponding cultural-ideological matrix, governed in turn special shape of the power system of traditional Kabardian society and the basic principles of power that are relevant to this system. The components of the legitimization of the power and the ordering of power relations are analyzed. As a cultural and ideological justification of power relations a complex of legends, family traditions, ideas about the distribution of public functions, etiquette, moral, legal and educational ideas and, with a certain amount of time, religious aspects are considered.

Key words: ideology; legitimacy; principle of reciprocity; authority; legend, genealogy, Kabardian Prince; inaccessibility; inviolability.

Material resources

- CGA KBR — *Centralnyy gosudarstvennyy arkhiv Kabardino-Balkarskoy respubliki.* (In Russ.).
- Dumanov, Kh. M., Dumanova, F. Kh. (eds.). 1997. *Zapiska o privilegirovannykh sosloviyakh kabardinskogo okruga. Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevsev v XV—XIX vv.* Maykop: Meoty. 206—218. (In Russ.).
- Folklor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX — nachala XX veka.* 1979. Nalchik: Elbrus. 2/1. (In Russ.).
- Khan-Girey, 1978. *Zapiski o Cherkesii.* Nalchik: Elbrus. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. 1994. *Istoriya adykheyskogo naroda.* Nalchik: Elbrus. (In Russ.).
- O pravakh vysshikh gorskikh sosloviy v Kubanskoy i Terskoy oblastiakh. 2003. In: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793—1897.* Nalchik: El-Fa. 2/1. 73—249. (In Russ.).

References

- Bgazhnikov, B. Kh. 1999. *Adygskaya etika*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.).
- Bondarenko, D. M., Korotaev, A. V. 2002. Vvedeniye In: *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza. Seriya «Tsivilizatsionnoye izmereniye»*. Moskva: Institut Afriki RAN. 1: 5—36. (In Russ.).
- Claessen, H. J. M. 1979. Introduction. In: *Political anthropology. The state of the art*. The Hague: Mouton. 1—28.
- Claessen, H. J. M. 2006. Bylo li neizbezhnym poyavlenie gosudarstva? In: Grinina, L. E. (eds.). *Rannee gosudarstvo, ego alternativy i analogi: sbornik statey*. Volgograd: Uchitel. 71—84. (In Russ.).
- Claessen, H. J. M. 2008. Before the Early State and After: An Introduction. In: Claessen, H. J. M., Hagesteijn, R., Van de Velde, P. (eds.). *Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue*. 7(1): 4—18.
- Claessen, H. J. M., Skalnik, P. 1981. The study of the State conference in retrospect. In: Claessen, H. J. M., Skalnik, P. (eds.). *The study of the state*. The Hague: Mouton. 469—505.
- Grinin, L. E. 2007. *Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Epokha formirovaniya gosudarstva: Obshchiy kontekst sotsialnoy evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
- Kochakova, N. B. 1996. Dvadsatiletie issledovatel'skogo proekta «Rannee gosudarstvo». *Vostok*, 4: 191—199. (In Russ.).
- Kradin, N. N. 2002. Vlast' v traditsionnom obshchestve. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4: 46—59. (In Russ.).
- Kurtz, D. V. 1979. Political Anthropology: Issues and trends on the frontier. In: *Political anthropology. The state of the art*. The Hague: Mouton. 31—62.
- Mambetov, G. Kh. 1999. *Traditsionnaya kultura kabardintsev i balkartsev*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.).
- Naloeva, E. D. 2015. *Kabarda v pervoy polovine XVIII veka : genezis adygsogo feodalnogo sotsiuma i problemy sotsialno-politicheskoy istorii*. Nalchik: Pechatnyy dvor. (In Russ.).
- Nazarenko, A. V. 1986. Rodovoy syuzerenitet Rurikovichy nad Rusyu (X—XI vv.). In: *Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1985*. Moskva: Nauka. 149—157. (In Russ.).
- Siver, A. V. 2007. Derzhavy knyazey: opyt sravneniya knyazheskoy Kabardy i Drevney Rusi. *Istoricheskiy Vestnik*. Nalchik: El-Fa. VI: 39—76. (In Russ.).
- Tiffany, W. W. 1979. New directions in Political Anthropology: The use of corporate models for the analysis of political organizations. In: *Political anthropology. The state of the art*. The Hague: Mouton. 64—75.
- Turskiy, G. 1987. *Istoriya frankov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).